

призер 585
58%

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЛИМПИАДЫ
ШКОЛЬНИКОВ 2024/2025 УЧЕБНОГО ГОДА

по литературе

Код/шифр участника

11	-	9-	36	(5)			
----	---	----	----	-----	--	--	--

Гирель Екатерина Сергеевна

(фамилия, имя, отчество)

11 "В"

(класс обучения)

11

(класс участия)

Муниципальное бюджетное общеобразовательное
учреждение центр образования "Интеллект" городского
округа Спасск-Пальный

(полное наименование образовательной организации)

**ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ.
2024–2025 уч. г. МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП. 11 КЛАСС**

ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА Выберите для аналитической работы **ИЛИ** прозаический, **ИЛИ** стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 300–400 слов. Работа объёмом менее 75 слов будет оцениваться нулём баллов. Перед ответом на задание укажите **НОМЕР** варианта текста, который анализируете.

1. Прочитайте рассказ Ю.Казакова «На острове» и выполните его целостный анализ, приняв во внимание следующие особенности его содержания и формы: смысл названия, концовки, роль художественных деталей, значимость художественного пространства, какую роль играет остров в сюжете, способы создания образов героев, их психологическое состояние, авторскую позицию.

Вы можете выбрать собственный путь анализа. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Ю.Казаков

На острове

Рейсовый пароход, на котором приехал ревизор Забавин, низко, вибрирующе загудел и, разворачиваясь, заваливаясь на правый бок, пошел дальше к глухим северным становищам. А Забавин даже не оглянулся на него – так надоели ему за трое суток этот грязно-белый пароход, грохот лебедок на стоянках, гул моторов, коротконогий капитан, старший помощник с наглым развратным лицом, грубые официантки.

Чем больше ездил Забавин по Северу, тем привычней и скучнее ему становилось. Давно перестал он замечать красоту мрачных скал, красоту моря и северной природы, хоть когда-то очень все это любил.

И теперь, в карбасе, раздраженный, небритый, он не обращал внимания ни на странные очертания острова, похожего на сгорбившегося, уткнувшегося в воду зверя, ни на темно-зеленые камни под водой, ни на веселые разговоры вокруг, а хотел только скорее очутиться на берегу в теплой комнате.

Когда карбас, пробравшись возле многочисленных катеров, моторок и ботов, пристал к деревянному пирсу, Забавин первый выбрался на берег и потопал ногами, с наслаждением чувствуя твердую землю.

На пирсе было тесно от громадных тюков высушенных сиреневых и бурых водорослей, от бочек с цементом, труб, рельсов, пачками ржавеющих возле стен низкого склада. Пахло очень сильно и дурманяще водорослями и послабее – рыбой, канатами, нефтью, досками, сеном, морем, – вообще всем тем, чем пахнут обычные морские пристани.

Забавин вяло пошел по утрамбованному шлаку мимо цехов с глухо работающими машинами, мимо котельной, от которой в холодном утреннем воздухе тянуло теплом.

Кругом была унылая земля, покрытая белесым ягелем, с выпирающими там и сям буграми серого камня. Лошади и коровы одиноко бродили по ягелю, были худы, и на них, заброшенных на этот дикий остров и совершенно лишних, не нужных ему, жалко было смотреть.

Забавин поморщился, вздохнул, спросил у рабочих контору, ему показали, и он пошел прямо туда, уже ни на что больше не глядя, думая только о том, как бы поскорее лечь спать – последнюю ночь на пароходе он почти не спал.

Ему отвели комнату, и он хорошо выспался. А проснувшись, побрился, смочил голову одеколоном и тщательно, до блеска причесался. Потом напился из тонкого стакана горячего крепкого чая своей заварки и с удовольствием выкурил сигарету. Наконец, достав папку с документами, завязав галстук, радуясь тому, что он хорош, опрятен и чист, что он избавился на эти дни от противного запаха соленой трески, который осточертел ему на пароходе, бодрый и свежий, пахнувший одеколоном и хорошим табаком, он пошел в контору, чтобы уже по-настоящему заняться тем, из-за чего он приехал сюда.

Весь этот день и два следующих Забавин провел в сухой работе, проверяя документы, которые в толстых папках носили ему в кабинет, осматривая чаны с агаровым студнем, дробилки, склады и лаборатории.

Все это время он был холоден и деловит, тогда как директор, радуясь свежему человеку, суеился, болтал, жадно расспрашивал Забавина об Архангельске. В ермолке, с выпученными глазами в

вывороченных веках, с глубокими складками на сизых склеротических щеках, он всюду сопровождал Забавина, колыхаясь, тяжело ступая своими тумбообразными ногами и мучаясь одышкой. Рядом с огромным директором Забавин – худощавый, черноволосый, в узких брюках – казался подростком и, чувствуя на себе откровенно жадные взгляды молодых работниц, делался холоднее и деловитее.

2

Однажды Забавину понадобилось послать телеграмму в Архангельск, и он пошел на метеостанцию, на которой, ему сказали, была рация. Он отыскал ее без труда по высокой радиомачте, от которой во все стороны к земле были туго натянуты тросы.

Поднявшись на крыльцо, Забавин постучал. Ему никто не ответил, тогда он отворил дверь и вошел в дом. Из комнаты, в которую он попал, было еще три или четыре двери. Одна из них вдруг распахнулась, и выглянул паренек-радист. Он был с тонкой шеей, большими розовыми ушами и с прической на лоб. Увидев Забавина, он сделал подозрительное лицо.

– Вы кто будете? – спросил он, стараясь говорить строже. И, не дослушав Забавина, выговорил, торопясь и хмурясь, что начальника метеостанции сейчас нет, что без нее он ничего не принимает для передач и что радиосвязь с Архангельском будет только вечером.

Забавин сказал, что зайдет вечером, и вышел на крыльцо, чувствуя спиной недоверчиво-испуганный взгляд радиста. Погода была хороша, и Забавин решил побродить по острову.

Он поднялся к белой башне маяка и, оглядевшись, заметил впервые, как красиво море, как горит оно и туманится под солнцем. Возле маяка он набрел на деревянную заколоченную часовенку, а немного пониже ее заметил старое кладбище. Он пошел туда, вздыхая, стал бродить между осевшими могильными холмиками и вросшими в землю темными плитами.

На одной плите Забавин с трудом разобрал: «Под сим камнем покоится прах р. б. Смоленской губернии города Белой подпоручика и смотрителя маяка Василия Иванова Прудникова. Жизни его без перерыва было пятьдесят шесть лет. Преставился после путешествия на Соловец монастырь тысяча восемьсот пятьдесят восьмого года сентября шестого дня. Господи, прими дух его с миром».

«Н-да... – подумал с некоторой грустью Забавин. – Сто лет прошло... Сто лет!»

Он попытался еще что-нибудь прочесть, но другие плиты были еще старше, вовсе поросли мохом, и ничего нельзя было разобрать. Тогда Забавин сел на одну из плит лицом к морю и долго сидел неподвижно, поддавшись грустному очарованию осени, забытого кладбища, думая о тех, кто жил здесь, может быть, не одну сотню лет назад. Потом медленно, в глубокой, неприятной задумчивости спустился вниз и пошел к себе спать.

Но спалось ему плохо, он скоро проснулся и сел к окну. Пока он спал, к острову подошел туман. Туман был очень густ, и ничего не стало видно кругом. Скрылись радиомачта, маяк, длинная темная корга, скрылись цехи и трубы завода.

Козы собрались в кучу под окном и стояли неподвижно. Жизнь на острове, казалось, прекратилась. Туман поглотил все звуки, только на севере, не умолкая, гудел ревун, и звук его был печален и зловещ.

После того как побывал Забавин на кладбище, у него зародилось странное чувство к этому острову. Смотритель маяка, живший и умерший сто лет назад, когда здесь, наверное, было еще мрачнее, не выходил у него из головы.

И от тумана, от диких воплей ревуна, от вида неподвижных коз ему стало не по себе, захотелось разговора, людей, музыки... Он скоро собрался и пошел на метеостанцию, настороженно оглядываясь, с трудом находя дорогу в тумане и наступающих ранних осенних сумерках.

Начальником метеостанции оказалась девушка лет двадцати пяти с редким именем Августа. Она была маленькая, с тоненькими ножками, коротко пострижена, и от этого с особенно нежной, слабой шейкой, с круглым смуглым личиком и большими, мохнатыми от ресниц глазами.

Все на острове звали ее просто Густей. Когда она улыбалась, щеки ее вспыхивали слабым румянцем, тотчас розовели и маленькие уши. При взгляде на нее Забавину стало щекотно на душе, захотелось обнять ее, погладить короткие пушистые волосы, ощутить на шее у себя ее теплое дыхание...

Отдав радисту текст телеграммы, он попросил разрешения посидеть, послушать радио. Густя быстро, охотно и, как показалось Забавину, радостно повела его к себе, в свою маленькую комнату, зажгла настольную лампу и пошла ставить чай.

Пока она доставала чашки, пока тонкими руками расставляла их на столе, позвякивая ложками, сыпала сахар в сахарницу, Забавин сел, одергивая свои задирающиеся узкие брюки, кладя по

привычке ногу на ногу, включил приемник, засветившийся сумеречным гранатовым светом, поймал какую-то близкую норвежскую станцию, закурил и сморщил губы от наслаждения.

С необыкновенной пристальностью разглядел он вдруг во всех подробностях и милую хозяйку, и эту крохотную комнатку с одним окном на юг, с десятком книг на этажерке, ковриком и узкой, тщательно застеленной и, по-видимому, жесткой кроватью... Ему вспомнилась откровенная жадность, с которой смотрели на него работницы в цехах, и, чтобы не улыбнуться, он стал думать об острове, о кладбище, о том, что за окном темнота и туман.

Но странно, теперь эти мысли не тревожили, не угнетали его, наоборот, с тем большим наслаждением слушал он норвежскую музыку, треск печи в большой комнате, следил исподтишка за хозяйкой.

— Ах, черт! — сказал Забавин, глядя на варенье и на Гусиные руки. — Простите... Знаете, ездишь, ездишь — и всегда кипятик, черствые серые булки, одиночество... Ах, черт! В кои веки повезет, как сегодня!

— А! — произнесла Густя, опуская глаза.

— Seriously! — сказал оживленно Забавин. — На дворе туман, ревун этот проклятый, даже страшно. Когда едешь один или сидишь вечером в какой-нибудь комнате для приезжих, все думаешь: давно ли мечтал о любви, о каких-то подвигах, о счастье — и вот ничего, и мотаешься по свету, ревизуешь, отвыкаешь от семьи...

Забавин вдруг перехватил странный взгляд Гуси, спохватился и покраснел.

— Извините... — пробормотал он, проникаясь внезапным отвращением к себе. — Вам неинтересно, а меня прорвало: молчал целую неделю — и такой вечер...

— Ничего, пожалуйста! — сказала Густя, наливая Забавину чай. — Пейте!

Забавин засмеялся, взял чашку. Они разговорились, и он скоро узнал, что она давно работает здесь, получает по договору уже двойную ставку, что она скучает, хочет уехать в Архангельск или в Ленинград.

Поговорив о скуке, перебрав общих знакомых, заговорили о любви и счастье, и оба еще больше оживились.

— Вот вы говорите о сознательной любви, — вдруг сказал Забавин, хоть Густя вовсе не говорила о сознательной любви. — Все рассуждают о любви, говорят, и решают, и судят, кому кого любить. Писатели пишут о любви, читатели устраивают конференции и спорят, достоин ли он ее или она его, кто из них лучше, выше и сознательней, кто более подходит веку коммунизма. А между тем каждый из нас на своем месте никогда не может разобраться, что такое любовь! И чем больше я думаю об этом, тем больше убеждаюсь, что в любви очень малую долю играют такие качества, как ум, талант, честь и прочее, а главное — совсем другое, что-то такое, о чем не скажешь и чего никак не поймешь. Да что далеко ходить! Я знаю одного парня — дурака, пьяницу и наглеца, человека без чести и совести. И представьте, его страшно любят женщины, причем женщины умные, интеллигентные. И он знает, что его любят, занимает у них деньги, относится к ним по-скотски, и они плачут от обиды, я сам видел! Почему?

— Наверно, вы не замечаете в нем того, что замечают эти женщины, — серьезно сказала Густя.

— А! Что они в нем замечают! Ум? Талант? Широту души? Так нет же — дурак, наглый, ленивый! И не лицо даже у него, а заплывшая морда.

В комнате радиста попикивало, стучал ключ, наконец все смолкло, послышались шаги.

— Ну, я все принял и передал... Сводка на столе! — крикнул радист и хлопнул наружной дверью. — На завтра — «ясно»! Я в клуб прошвырнусь! — крикнул он уже с улицы, затопал по крыльцу, а в доме стало тихо.

Выражение лица Гуси сразу изменилось, она как будто чего-то испугалась, оглянулась на темное окно, пристально серьезно посмотрела на Забавина и тотчас, покраснев, опустила глаза. А Забавин, будто не было ему тридцати пяти лет, не было позади ни армии, ни семьи, ни работы — почувствовал внезапно колющее волнение и сухость во рту, то есть то именно, что чувствовал он в молодости, когда влюблялся в девочек-школьниц и целовался с ними в тихие белые ночи.

— И еще тоже счастье... — начал тихо Забавин, и по тому, как он это сказал, Густя поняла, что он скажет сейчас что-то серьезное, хорошее, успокоилась и улыбнулась ему, расширяя и останавливая на его лице прекрасные бархатистые глаза.

— Надеются обычно на будущее, — продолжал Забавин, прихлебывая чай, ощущая темноту за окном и холодное дыхание моря. — Надеются на будущее и живут мелко, суетливо, неинтересно... Живут, не видя рядом ничего хорошего, ругают жизнь, уверенные в том, что вот настанет пора и придет

счастье. Все так, и вы так, и я... А между тем счастье у нас во всем, везде – счастье, что вот мы с вами сидим и пьем чай, что вы мне нравитесь, и вы знаете, что нравитесь...

Забавин запнулся, передохнул, улыбнулся как бы сам над собой, а Густя, вся пунцовая, не смела поднять глаз.

– Хочется, чтобы пришел кто-то сильный и заставил нас всех оглянуться. Ведь чем дальше, чем больше мы живем, тем счастья меньше! Человечество всегда юно, но мы-то, мы стареем... Мне сейчас тридцать пять, вам...

– Двадцать пять, – прошептала Густя, решила поднять пылающее лицо и прямо взглянуть в глаза Забавину.

– Ну вот! А через год мне будет тридцать шесть, вам двадцать шесть, – мы оба и все тоже постареем на год, что-то от нас уйдет, какая-то частичка бодрости, какое-то количество клеток отомрет навсегда, а там еще и еще из года в год. И главное, будет стареть не только тело, не только мы будем седеть, лысеть, у нас будут появляться разные болезни, которых теперь нет, но и души будут стареть, понемногу, незаметно, но будут – какое же тут счастье? Нет, счастья в этом никакого нет, и я не понимаю людей, которые все ждут, вот придет лето, и я буду счастлив, а когда приходит лето и он не счастлив, он думает: вот настанет зима, и я буду счастлив... Да что говорить!

– В чем же счастье? – тихо спросила Густя.

– В чем? Я тоже думаю: в чем? Вы вот хотите вырваться с этого острова, ждете чего-то, думаете, пройдет год, два, три – и я буду счастлив! Нет же! Вы сейчас именно счастливы, потому что ничего у вас не болит, вы молоды, у вас прекрасные глаза, потому что теперь, когда вам двадцать пять, смотреть в ваши глаза – наслаждение, и у вас важная работа, и море, и этот остров... Подумайте!

– Легко говорить! – сказала Густя, недоверчиво улыбаясь.

– Да! Конечно, свет велик, прекрасных мест множество, и в конце концов, почему именно остров! Конечно, Архангельск – место куда более интересное, чем этот остров. Когда вы думаете, да и я когда сейчас думаю об Архангельске, или Москве, или Ленинграде, нам представляются театры, огни, музеи, выставки, шум, движение и все такое... Жизнь, одним словом! Правда! А между тем, когда я там, дома, я ничего этого не замечаю, я начинаю думать обо всем этом только издали, а когда я приезжаю в Архангельск, я вдруг узнаю, что у меня заболел сын, что на работе вечером совещание, что торопят с отчетом... И начинаешь крутиться как белка в колесе, вовсе не видишь никаких театров и прочего. Чем же я лучше вас живу? Так сказать, в высшем смысле? Нет, нет, вы гораздо счастливее меня: вам двадцать пять, а мне тридцать пять!

– В этом ли дело! – сказала Густя, поднимая вверх лицо и вздыхая.

– В этом! Рано или поздно вы уедете, конечно, будете жить в Ленинграде, видеть Неву, мосты, Исаакий... Но поверьте мне, когда вы уедете отсюда, вам обязательно будет вспоминаться этот остров, жители его, море, этот запах водорослей, перистые облака, солнце, грозы, северное сияние, штормы, и через много лет вы поймете, что счастливы были именно здесь.

– Не знаю, – задумчиво произнесла Густя. – Я об этом как-то не думала...

– Да, почти всегда так. Мы жалеем об ушедшем – издали лучше видно.

Забавин волновался и, глядя на Густю, думал помимо воли, как было бы хорошо долго-долго жить с ней где-нибудь. Он расстраивался от этих мыслей, понимая свое бессилие что-нибудь изменить в жизни, но не думать об этом не мог и не мог никак уйти от Густы, хотя было уже поздно.

Он собрался уходить тогда только, когда вернулся из клуба радист, прошел к себе, стал ловить джаз и насвистывать.

Густя вышла с Забавиным на крыльцо, и они долго стояли, привыкая к темноте.

– Я провожу вас, а то здесь тросы натянуты, – сказала Густя и взяла его за руку. Рука ее была шершава, горяча и дрожала. «Милая!» – мысленно поблагодарил ее Забавин и тут же с грустью подумал о себе.

Туман разошелся, ревун давно умолк, над головой горели маленькие пронзительные звезды и тек Млечный Путь, разорванный, раздвоенный, но ясный.

Быстро освоившись с темнотой, Густя пошла впереди, а Забавин шел сзади, еле различая ее светлый платок, неуверенно нащупывая среди мха каменистую тропу. Прошли несколько минут в молчании, потом Густя остановилась, и Забавин тотчас увидел внизу редкие желтые огоньки поселка.

– Ну вот... – сказала Густя. – Теперь вы сами дойдете, не заблудитесь. До свиданья.

– Погодите еще немного, – попросил Забавин. – Я покурю.

– Хорошо, – подумав, ответила Густя, опять взяла его за руку, прошла несколько шагов и остановилась возле какой-то ограды, прислонясь к ней и повернувшись к Забавину лицом. Забавин закурил, стараясь разобрать выражение лица Густы при свете спички, но ничего не разобрал. Внизу мерно и широко шумел прибой, шел прилив, холодило. Ветер нес особенно грустный запах осеннего моря. А само море было глубоко и таинственно черно.

Забавин внезапно заметил, что лицо Густы то бледно возникает, то пропадает в темноте. Он оглянулся и через три-четыре секунды увидел высокую белую звезду маяка, окруженную сиянием, вспыхнувшую на мгновение ярким светом в ночи и снова погасшую. Потом звезда опять вспыхнула и погасла, и так повторялось все время, и было странно и приятно видеть этот мгновенный немой свет.

Забавин опять повернулся к Густе.

– Маяк, – сказал он без выражения. – Нам светит маяк.

Потом, как бы видя себя со стороны и осуждая, нагнулся и крепко поцеловал ее в неподвижные потрескавшиеся губы.

Ничего не сказав, Густя отвернулась от него. Забавин взял ее за худенькие плечи и повел в темноту, в какие-то шуршащие кусты и мелкорослые жесткие деревья с терпким запахом осени, по мягкому мху, сквозь который чувствовался твердый, холодный камень, – дальше от света маяка. Наконец они остановились: впереди была глухая тьма и гул моря.

– Зачем? – печально сказала она. – Вы меня совсем не знаете! А главное – зачем?

Забавин опять поцеловал ее. И когда он ее целовал, лицо его было скорбно и глаза закрыты, хотя он и думал, что, может быть, это и есть то счастье, о котором они говорили недавно.

– Не надо больше, пойдемте назад, – тихо сказала она.

– Не сердитесь! – так же тихо попросил Забавин и покорно пошел за ней.

У ограды, где они поцеловались в первый раз, Густя остановилась, всхлипнула и прижалась лицом к холодному плащу Забавина.

– До завтра, – сказала она наконец, вытирая слезы и вздыхая. – Я теперь не буду спать всю ночь... Зачем, зачем все это?

Оттолкнув его, она быстро пошла, почти побежала домой и показалась вдруг очень жалкой, когда он смотрел ей вслед. Он долго потом стоял и смотрел то на вспышки маяка, то на далекий теплый свет в окне Густы. Лицо его горело, в горле першило, и он все кряхтел и морщился, не в силах уйти, и сердце его билось медленно и тяжело.

3

Пароход, на котором Забавин собирался уезжать в Архангельск, должен был зайти на остров через неделю. Впереди было семь необыкновенных, счастливых дней! Но на другое утро в контору, где работал Забавин, пришел радист с метеостанции и молча подал ему телеграмму. На бланке было написано: «Срочно ждем Архангельске тчк Парохода не ждите зпт сегодня или завтра остров зайдет шхуна Сувой тчк Максимов».

Забавин похолодел. Радист ушел, Забавин хотел продолжать работу, но уже ничего не понимал, что ему говорили, не помнил никаких цифр. Кое-как справившись с делами и подписав последние документы, он отметил командировку у директора и пошел домой.

А вечером, когда Забавин собрался последний раз к Густе, к острову подошла шхуна. Она появилась внезапно, как судьба, и о ней узнали по короткому вою сирены, по огням – зеленому и белому – на мачтах и по радиограмме, которую приняли сначала на маяке, потом на метеостанции. Забавин, волнуясь, послал ответную телеграмму, и шхуна осталась на якоре до утра.

До двух часов ночи Забавин и Густя ходили по острову, вспугивая куропаток, которые взлетали с глухим шорохом, сидели на холодных шершавых камнях, любя друг друга все сильнее и больше, и все время им светили огни на шхуне, напоминая о скорой разлуке.

Потом они пришли на метеостанцию, и опять сумрачно, гранатово светился радиоприемник, играла тихая веселая музыка, бормотали дикторы, опять они пили чай, говорили, но мало – больше наглядывались друг на друга и не могли наглядеться...

– Что это у нас? – спрашивала Густя. – Это счастье? Скажите! Я не знаю...

– Ну-ну, – небрежно отвечал Забавин. – Просто приятный вечер.

– Боже мой! – говорила она. – Как же это вы... Как же вы едете? Вдруг едете! Только появились и уже едете!

– Подари на прощанье мне билет... – протяжно сказал Забавин. – На поезд куда-нибудь...

– Что? – не поняла Густя. – Какой билет?

– Песня такая... И мне все равно, куда он пойдет, лишь бы отправился в путь! Веселая такая песня. Не знаете?

– Вы сказали... – Густя покрутила радио. – У вас сын есть?

– Двое... двое! Мальчик и девочка. Так-то, милая!

Занялся неохотный скупой рассвет. Окно в комнате побелело. Забавин встал, мельком взглянул в зеркало, увидел свое бледное, несчастное лицо, подошел к окну, протер рукой запотевшее стекло. Небо было светло-голубое, пустое, будто стеклянное, море – огромное, выпуклое и спокойное, а метрах в двухстах от берега, как наваждение, неподвижно стояла черная шхуна на якоре, и на мачтах еще горели бледные огни.

Куда хватало глаз, все застыло – на берегу и на воде, – было неподвижно, безлюдно и мертво.

Он отвернулся от окна и взглянул на Густю. Она сидела у стола, прижав руки к груди, где сердце. Глаза ее были закрыты, маленькое бледное личико казалось спокойным, как у спящей. Забавин осторожно надел плащ.

– Густя... пора, – сказал он шепотом и стал закуривать. Но почему-то он не чувствовал крепости сигареты.

– Что, уже? Подождите! Я сейчас... Я вас провожу! – заторопилась Густя.

Забавин опять повернулся к окну, сгорбился, слушая, как прерывисто дышит, ходит по комнате Густя.

Вместе вышли они на крыльцо. Забавин вдохнул холодный резкий воздух, поежился, посмотрел на разгорающуюся зарю, на седой от инея мох. Они пошли рядом, но не по тропе, а прямо к морю. Мох хрустел у них под ногами.

Был отлив, карбас на катках оказался далеко от воды. Они долго сталкивали его, раскраснелись, запыхались, наконец влезли и оттолкнулись от берега.

Забавин взялся за весла, стал медленно выгребать.

Густя сидела на корме, особенно смуглая в этот час, смотрела поверх головы Забавина, правила кормовым веслом.

Вода была необычно прозрачна. Камни, песок, водоросли, похожие на конские хвосты, и листья морской капусты тихо проплывали под ними. Иногда Забавин переставал грести, засматривался на неподвижно висящих смугло-розовых медуз и удивлялся, что может в такую минуту интересоваться чем-то.

Карбас глухо стукнул о борт шхуны. Тотчас на палубу поднялся капитан в синей телогрейке и высоких сапогах. Он был без шапки, с белесыми волосами и молодым, скуластым, опухшим от сна лицом.

– Товарищ Забавин? – сильно окая, спросил он, нагибаясь сверху. – Давайте конец!

Забавин подал ему чемодан и бросил веревку. Потом повернулся к Густе, покачиваясь, сделал три шага к корме. Густя поднялась и стояла, смотря сквозь застилавшие ей глаза слезы в лицо Забавина.

Они поцеловались долго и крепко, до боли, потом Забавин, задохнувшись, отвернулся и полез на борт шхуны. Капитан, смотревший на них с серьезным лицом, помог ему и быстро спустился в кубрик на носу.

Через минуту из кубрика, на ходу натягивая телогрейку, стали вылезать заспанные матросы, и шхуна ожила. Заиндевшая палуба покрылась темными следами от сапог, застучал дизель, зазвенела якорная цепь. Поднялся еле заметный ветерок, стал морщить гладкую воду. У Густы упала на лоб прядь волос, она не поправила ее, сидела неподвижно.

Капитан сам стал к штурвалу и, посмотрев на Забавина, дал малый ход. Шхуна тронулась, карбас с Густей стал отделяться. На носу стоял лохматый матрос, закидывал веревку с грузом, хрипло кричал:

– Восемь!

В глубине по-прежнему были видны зеленоватые камни, темные пятна водорослей и медуз.

Забавин стоял у борта и смотрел, как все дальше уходит берег и карбас. Густя как осталась, так и не шевельнулась больше, сидела на корме. Черный нос карбаса, высоко поднятый, под ветром тихонько поворачивался к берегу. Забавин слышал пустой звон в голове, смотрел на остров, на карбас, глаза его были сухи и саднили.

Выйдя из опасного места в открытое море, шхуна развила ход, капитан передал штурвал матросу, вышел из рубки и стал рядом с Забавиным.

– Завтра к вечеру будем в Архангельске, – негромко сказал он.

Остров стал уже темной голубоватой полоской, можно было различить еще только белую башенку маяка, больше ничего. Началась морская крупная зыбь, корпус шхуны дрожал от дизеля. Наконец и полоска скрылась, кругом была вода — покатые гладкие волны, до самого горизонта. Солнце всходило, но вместе с ним с востока шли облака, и как-то не светлело.

— Ветерок будет, — зевая, сказал капитан. — Эй! Эй! Приборочку, живо! — вдруг резко крикнул он. — А вы пожалуйста в кубрик, — пригласил он Забавина.

Спустившись в кубрик, они сели за узкий стол друг против друга и закурили.

— Выпить хотите? — спросил капитан и полез в шкафчик.

Забавин выпил и передернулся всем телом.

— Ну, как? — спросил капитан. — Еще?

— Все в порядке, старик! — сказал Забавин. — Спасибо!

— Это что — супруга ваша была? — помолчав, спросил капитан.

— Нет, — ответил слабо Забавин, и у него задрожали губы.

— Лягте, отдохните, — предложил капитан. — Вот эта койка у нас свободная.

Забавин послушно разделся и лег на койку, узкую и жесткую, со спасательным поясом в головах.

Кубрик едва заметно поднимало и опускало. За бортом звенела вода.

«Ну, вот и счастье, — подумал Забавин и сейчас же увидел лицо Густы. — Вот и любовь! Как странно... Любовь! Подари на прощанье мне билет...»

И он лежал и, скорбно сжав губы, все думал о Густе и об острове, все виднелось ему ее лицо и глаза, слышался голос, и он не знал уже, во сне ли это, наяву ли...

Звенела за бортом вода, и звон этот был похож на звук бегущего, веселого, никогда не умолкающего ручья.

2. Прочитайте стихотворение Н.Захарцевой и выполните его целостный анализ, приняв во внимание следующие особенности его содержания и формы: определите тему стихотворения и его идею; определите тип лирики, какие чувства испытывает лирический герой произведения; какие художественные детали и образы выделяются в ней; анализ средств художественной выразительности; строфика, размер и вид рифмовки в стихотворении; синтаксические и пунктуационные особенности поэтического текста.

Вы можете выбрать собственный путь анализа. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Наталья Захарцева

Старик и ветер

Где дороги — морским узлом,
Где по стенам тенями — сети,
Как-то встретились за столом
Два бродяги — старик и ветер.

Ветер била сырая мгла
Парусиново-тонких жил.
Ветер просто хотел тепла,
А старик... просто долго жил.

Если вывеска на гвозде
Чуть поскрипывает тоской,
То связались в одной беде
Взгляды тех, кто искал покой.

Был один просмолённым лик,
Был другой предрассветно-светел.
"Мне бы крылья", — сказал старик.
"Мне бы ноги", — промолвил ветер.

Каждый сетовал о своем,
Каждый думал — живет не так,

А беседа лилась вином
Цвета крови портовых драк.

"По земле ходить тяжело,
Спотыкаясь душой о боль.
Мне бы чайкою на крыло
И с сиренами петь прибой".

"Я летаю по сгибам карт
Траекторией белых птиц,
Но для неба пока бастард,
А не ясно-наследный принц.

И царапают мачты сон,
Налетевший с приливом лун.
Я устал наблюдать, как шторм
Топит песни рыбацких шхун".

Так и пили о прожитом
И краюхой делили небо.
Рядом море плыло китом,
Пахло солью, вином и хлебом.

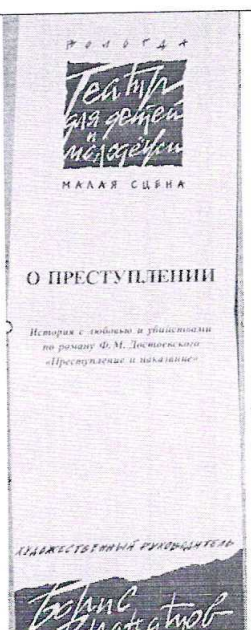
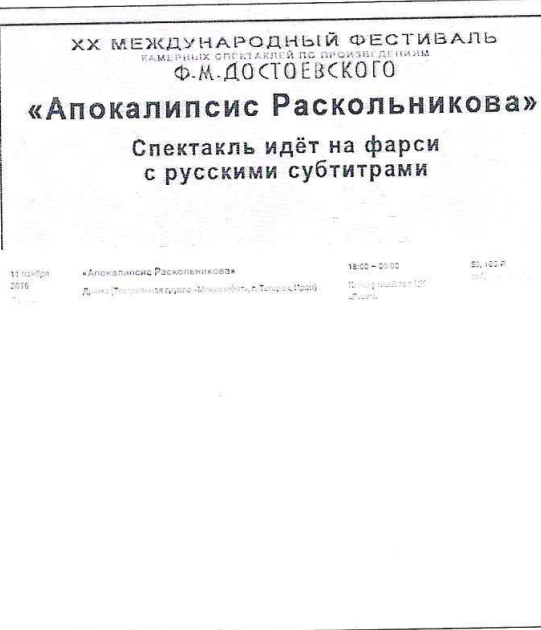
Так и спорили до рассвета
И мечтали — наступит миг:
Задание 2. Творческое

По земле прошагает ветер,
А по небу пройдет старик.

1. Рассмотрите афиши спектаклей по роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Объясните, в чем состоит замысел режиссеров, заменивших заглавие, данное писателем. Обратите внимание на жанр постановки. Связаны ли между собой смена названия и выбранный жанр?
2. Выберите два спектакля. Какие эпизоды (не менее трёх) вы бы отобрали для трейлера каждому в соответствии с его афишей и указанным режиссером жанром (для представления заявки на участие спектакля в театральном фестивале)? Какие смысловые акценты вы расставите? В какой последовательности включите эпизоды в трейлер? Объясните свой выбор.
3. Напишите закадровый текст для начала трейлера к одному из спектаклей (по вашему выбору; примерно 180 слов). В нём нужно коротко и живо изложить режиссёрскую концепцию, охарактеризовать визуальную стилистику спектакля (свет и цвет, соотношение динамики и статики, ритм смены эпизодов), подсказать зрителю, к каким деталям и мизансценам следует быть особенно внимательным.

*Если выберете спектакль без указания жанра, предложите свой вариант, объясните выбор.

	
ТЮЗ Екатеринбург Жанр не указан	Томский областной ТЮЗ Экзистенциальная драма
	
Рязанский театр кукол Сцены из романа	Красноярский музыкальный театр Жанр не указан

	
Маленький Академический Театрик Дома ученых Томского Академгородка (М.А.Т.) Музыкальный детектив, криминальный балет	Волгоградский молодежный театр Вояж
	
Вологодский ТЮЗ История с любовью и убийствами	Театральная группа «Мокешафат», г. Тегеран, Иран Драма

Задание 1. Анализ стихотворного текста.

Стихотворение Натальи Захарцевой „Старик и ветер“ имеет много особенностей как содержания, так и формы, поэтому хочется сделать его целостный анализ.

Сначала обратим внимание на название стихотворения, так как это одна из главных составляющих всего произведения, которая задаёт настрой читателю. В данном случае название отражает не тему или идею, как это обычно бывает, а знакомит нас с лирическими героями. Даже не прозвучав стихотворение, мы уже можем сделать предположение, что оно будет относиться к философской лирике, а также поднимается тема жизни, так как „старик и ветер“ являются определёнными символами. Каждый означает своё, однако при соединении дополняют и раскрывают друг друга ещё лучше: старик – символ завершения жизни и подведения итогов, а ветер – метания, поиск смысла. Таким образом, название может раскрыть намного больше, чем кажется на первый взгляд.

Следующая не менее важная составляющая – композиция. Стихотворение состоит из десяти куплетов, этот немаленький объём позволяет автору лучше раскрыть тему, а также погрузить читателя в атмосферу.

Теперь перейдём к стилю. Обратим внимание на те аспекты, которые прослеживаются в каждой строке: перекрёстная рифма, которая создаёт особое звучание, передающее важность размышлений лирических героев и их переживания. Чтобы лучше раскрыть идею стихотворения, надо подобрать ритм, который будет служить фоном для размышлений, автор использует звуковой размер – хорей, отлично справляющийся с поставленной задачей. На ритм также влияют и пунктуационные особенности, например, тире позволяет в правильных местах сделать интонационные паузы, а многочисленные восклицательные знаки призывают читателя к тому, чтобы поразмышлять над незаконченной мыслью автора.

Рассмотренные выше аспекты прежде всего влияют на раскрытие темы и идеи. Поэтому не обращать на них внимание никак нельзя.

В стихотворении поднимается тема жизни. Лирические герои размышляют о том, что каждый из них „живёт не так“. Тема неразрывно связана с идеей. Автор доносит до читателей то, что у каждого своя беда и тягота жизни, однако многим кажется, что жизнь другого легче. Однако это не так, поэтому надо принимать свою жизнь и пытаться сделать её лучше, а не просто „спирить со рассвета“ и ничего не менять или не пытаться приспособиться.

Стихотворение философской лирики часто носит грустный характер, прописано печально, это тоже не стало исключением. Лирические герои жалуют себя и спорят о том, у кого жизнь труднее.

Настроение стихотворения передают средства выразительности, например, эпитеты: „сырая тгла“, „парусико-тонкие волосы“, „расстолённый лик“. Анафора передаёт горечь героев, показывает, что для каждого своя беда важна: „Был один... / Был другой...“, „Мне бы крылья... / Мне бы ноги...“. Метафора „Бесезапилась вином“ показывает, что каждый хочет злиться своим горем, угасить, и им тяжело держаться её в себе, потому что она имеет кисло-горький вкус, как вино, от которого так и хочется избавиться лирическим героям.

Подводя итог, хочу отметить, что стихотворение, действительно, богато разнообразными особенностями, что делает его уникальным. Автор глубоко раскрывает тему и идею, поэтому стихотворение заставляет читателей о многом задуматься.

20+10+7+3+5= 45б.

Задание 2

1. Для спектаклей режиссеры заменяют заглавие, данное писателем книги, для того, чтобы правильно расставить акценты, на которые должен будет обратить внимание зритель. Стиль названия также связан с жанром постановки, так как определенный жанр оставляет за собой разное впечатление, влияет на эмоции зрителей.

2. Спектакли:

- 1) Волгозский ТЮЗ (история любовного и удивительного)
- 2) Театральная группа «Мохешараф» г. Тегеран, Иран (Драма)

Эпизоды я включила бы в постановку в такой же последовательности, как и в сюжете книги, чтобы сохранить взаимосвязь литературного и театрального искусства.

Акценты расставлялись бы на яркие эпизоды, которые отражают название, а также влияют на восприятие постановки.

Эпизоды для трейлера:

- 1) «совершение удивительного», «отношения с Соней, чтение Евангелия», «вместе едут на каторгу».
- 2) «сон Раскольникова», «путь к сестре после удивительного», «признание в удивительном».

$$\begin{array}{r} 3 + 10 = 13 \\ \quad 15 \\ \hline 58 \end{array}$$